

AMMIANUS MARCELLINUS' ATTITUDE TOWARDS HISTORIAN'S WORK: THEORY AND REALITY

I. Ye. Yermolova

The article considers historical reliability of Ammianus Marcellinus' work. The author compares the aims set by the historian with their practical realization influenced by the circumstances of his life. Special attention is paid to Ammianus's attitude towards his military leader Urzicinus.

© 2008 г.

В. Н. Илюшечкин

ГРЕЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК «ИСТОРИИ АПОЛЛОНИЯ, ЦАРЯ ТИРСКОГО»*

Известен сохранившийся в двух латиноязычных изводах роман «История Аполлония, царя Тирского», имевший широкое хождение в греко-римском мире в переходный период от античности к средневековью и рассказывающий о странствиях безутешного героя. После известия о том, что жена царя Аполлония якобы погибла в море на корабле, скорбящий муж оставляет дочь в Тарсе у приемных родителей и отправляется в Египет. Дочь Аполлония похищают пираты и продают в дом сводника в Митилене. Спустя 14 лет Аполлоний встречает дочь Тарсию, которую не узнает. Вещий сон повелевает Аполлонию с дочерью отправиться морем в Эфес, где в храме Дианы они встречают жрицу, которая оказывается спасшейся женой Аполлония и матерью Тарсии.

Вплоть до последнего времени изучение различных аспектов этого нарративного памятника связывали обыкновенно с существованием утраченного греческого источника, который лег в основу дошедшей до нас латиноязычной обработки романа V–VI вв. н.э.¹ В опубликованной еще в 1899 г. работе Э. Клебс отмечал, что поздние переложения романа V–VI вв. н.э., сохранившиеся в виде латинских рукописных версий RA и RB (последняя RB является вольной обра-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Религиозные представления в центре и на периферии античного мира», № 07-01-00016а.

¹ *Historia Apollonii Regis Tyris* / Ed. A. Riese. Lipsiae, 1893; *Historia Apollonii Regis Tyri* / Ed. G.A.A. Kortekaas. Groningen, 1984. P. 97 ff.). Обычно роман датируют IV или V веком н.э. Издатели ссылаются на одну из загадок, упоминаемую в гл. 42-й латинского романа в анонимном сборнике «Загадки Симфосия» (дошедшем до нас в составе «Латинской антологии»). Однако другие издатели латиноязычной версии полагают, что «Историю Аполлония...» следует датировать предположительно концом VI в. н.э., поскольку в анонимном сочинении «*De dubiis nominibus*» («О сомнительных названиях») упоминается словосочетание *Apollonius naufragus* («потерпевший кораблекрушение Аполлоний»), якобы встречающееся в одном из произведений христианского поэта Венанция Фортуната (VI в.); см. подробно: *Historia Apollonii regis Tyri* / Ed. G.L. Schmeling. Lpz, 1988. P. VI.

боткой изначальной RA), восходят к латиноязычному оригиналу III в. н.э.² В самом деле, использование автором ради украшения латинских цитат из Овидия и Вергилия³, трехстиший из анонимного сборника «Загадки Симфосия» (дошедших в составе «Латинской антологии»), характерных для начитанной и образованной публики словосочетаний, контрастирующих с просторечиями разговорного языка (по преимуществу в версии RA), свойственно словоупотреблению населения ближневосточных провинций. Казалось бы, все это убеждало в верности выводов Клебса и, напротив, требовало дополнительных аргументов от тех, кто еще допускал гипотетическую зависимость «Истории Аполлония...» от греческого оригинала: ведь папирусные находки (о которых речь ниже) тогда еще были неизвестны исследователям греческой беллетристики ранней Римской империи.

Вместе с тем не могло остаться незамеченным, что близость к греческой нарративной традиции «Истории Аполлония...», продуманная структура повествования, особенности литературной техники и тщательная разработка характеров основных персонажей свидетельствовали о том, что изначальный текст латинской версии должен был быть на греческом языке. Уже Э. Роде, а вслед за ним и У. Вилькен указывали на тесную связь «Истории Аполлония...» с греческим романом, что позволяло усомниться в истинности вывода Клебса о латинском оригинале дошедшего до нас текста⁴. Спустя почти столетие Г. Корткаас, по-

² *Klebs E.* Die Erzählung von Apollonius aus Tyrus. Eine geschichtliche Untersuchung über ihre lateinische Urform und ihre späteren Bearbeitungen. B., 1899. Впоследствии гипотеза Э. Клебса об изначальной латиноязычной версии «Истории Аполлония...», несмотря на критические замечания У. Вилькена (*Wilcken U.* Eine neue Roman-Handschrift // Archiv für Papyrussforschung. 1901. Bd I. S. 227–272, особенно 258, Anm. 2), получила широкое признание у ряда исследователей античного романа. См. *Rath J.* Die alt- und mittlenglischen Apollonius-Bruchstücke. München, 1956. P. III (Studien und Texte zur englischen Philologie. 3); *Perry B.E.* The Ancient Romances. A Literary-Historical Account of Their Origins. Berkeley and Los Angeles, 1967. P. 294–324 (Appendix II. The Latin Romance Apollonius of Tyre); *Кузнецова Т.И.* Сказочный роман. «История Аполлония, царя Тирского» // Античный роман / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1969. С. 132–155; *Reardon B.P.* Courants littéraires grecs IIe et IIIe siècles après J.-C. P., 1971. P. 369; *The Story of Apollonius. King of Tyre (Historia Apollonii Regis Tyri)* / Ed. Z. Pavlovskis. Lawrence. 1978. P. 8; *Hägg T.* The Novel in Antiquity. Oxf., 1983. P. 147–153; *Historia... / Schmeling.* P. IV.

³ К примеру, стихотворное описание бури на море (НА 11) считается реминисценцией отрывка из «Энеиды» Вергилия (Aen. I. 81–156; VIII. 675–713). См. подробнее *Haight E.H.* More Essays on the Greek Romances. N.Y., 1945. P. 170–171.

⁴ *Rohde E.* Der griechische Roman und seine Vorläufer. Lpz, 1876. S. 440, 444; *Wilcken.* Op. cit. S. 227–272, особенно 258, Anm. 2. К примеру, целый ряд параллельных мест в мотивах или сюжете обнаруживают тесную связь между «Историей Аполлония...» и «Повестью о Габрокоме и Антии» Ксенофонта Эфесского, датируемой II в. н.э. (см. подробно: *Rohde.* Op. cit. S. 440; *Garin F.* De Historia Apollonii Tyrii // *Mnemosyne.* N.S. 1914. 42. P. 198–212, особенно 204–207; *Schmeling G.L.* Xenophon of Ephesus. Boston, 1980. P. 139–140; *Historia... / Kortekaas.* P. 107 ff., 118 ff.; *Протопопова И.А.* Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М., 2001. С. 195–196); при этом вопрос о том, являются ли оба античных романа эпитомами изначально более пространственных и крупных по объему произведений, мы сознательно оставляем в стороне; см., например: *Hägg T.* Die Ephesiaka des Xenophon Ephesius – Original oder Eritome? // *Classica et Mediaevalia.* 1966. 27. P. 118–161. Здесь автор статьи полемизирует с точкой зрения К. Бюргера (*Bürger K.* Zu Xenophon von Ephesus // *Hermes.* 1892. 27. S. 36–67) и приходит к выводу, что повесть Ксенофонта Эфесского представляет собой оригинальное произведение, а не является сокращенным вариантом. См. также *Papanikolaou A.* Chariton-Studien. Untersuchungen zur Sprache und Chronologie der griechischen Romane. Göttingen, 1972. S. 153. Not. 4 (Hypomnemata. 57).

дробно анализируя лексический состав латинского текста, пришел к выводу, что в основе «Истории Аполлония...» лежит греческий оригинал, который служил образцом не только для христианской редакции романа (RA), но был известен и другому безымянному автору языческой версии (RB)⁵.

Проблема заключается, на наш взгляд, в том, чтобы поставить «Историю Аполлония...» в надлежащую историческую перспективу и проанализировать связь этого литературного памятника с религиозными течениями на рубеже I–III вв. н.э. Неизбежным образом здесь должен быть затронут вопрос об отношении этого произведения к христианству, получившему в эту эпоху значительное распространение в восточных провинциях Римской империи. Предстоит выяснить, принадлежало ли изначально содержание «Истории Аполлония...» к сфере профанной или сакральной разновидности литературы и какой читательской аудитории оно предназначалось.

Два папирусных отрывка из Оксирина, – один из которых был опубликован в 1913 г. (PSI 151), а другой лишь в 1977 г. (P. Mil. Vogl. 260), казалось бы, удостоверяют реальное существование грекоязычного романа «История Аполлония...» и даже, если дело обстоит подобным образом, позволяют говорить о некоторых его культурно-исторических и художественных особенностях⁶. Оба папирусных фрагмента – один размером 10 см × 10 см, другой размером 4,8 см × 16,4 см – датируются издателями концом II в. н.э. или первой половиной III в. н.э. и принадлежат одному произведению⁷. Новонайденные папирусные находки не раз способствовали пересмотру сложившихся ранее ложных представлений об особом положении и назначении многочисленных произведений греческой исторической беллетристики, получивших широкое распространение не только в ближневосточных провинциях, но и в самой Италии периода ранней Римской империи⁸.

⁵ Об утерянном греческом оригинале романа из Сирии, датируемым предположительно концом II – началом III в. н.э. см.: Historia... / Kortekaas. P. 125–131. Подробнее о более поздних переложениях «Истории Аполлония...», дошедших в виде рукописных редакций RA и RB, см. *ibid.* P. 61–67; более того, по мнению Корткааса (*ibid.* P. 92–96), которого поддержал Шмелинг, наряду с дошедшими до нас редакциями RA и RB существовала еще третья редакция RC (Historia... / Schmeling. P. VI ff.); см. также синоптическое издание латинского текста: Historia Apollonii Regis Tyri / Hrsg. von D. Tsitsikli. Meisenheim am Glan, 1981 (Beiträge zur klassischen Philologie. 134).

⁶ Первый папирусный отрывок издал Т. Лоди в разделе Miscellanea // Papiri greci e latini (Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto). Vol. 2. Firenze, 1913. P. 82; спустя год текст папирусного фрагмента был воспроизведен в том же издании и охарактеризован в качестве frammento di romanzo со ссылкой на рецензию О. Крузиуса (*Crusius O.* // Literarisches Zentrallblatt № 50 от 13 декабря 1913 г.) – Papiri greci e latini (Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto). Vol. 3 Firenze, 1914. P. XII. Подлинная editio princeps папирусного фрагмента принадлежит Б. Мюллеру (*Müller B.A.* Ein neuer griechischer Roman // RhM. 1916. 71. S. 358–363). Второй папирусный отрывок был впервые издан в 1977 г. F. Conca (Papiri della Università degli Studi di Milano. Vol. 6. 1977. P. 4 ff.; далее – P. Mil. Vogl. 260).

⁷ Ср. Historia... / Kortekaas. P. 130. Традиционная датировка папирусов иногда оспаривается на основании анализа написания греческих букв и предлагается датировать эти папирусы концом III – началом IV в. н.э., что по существу ничего не меняет (ср.: Ancient Greek Novels. The Fragments. Introduction, Text, Translation and Commentary / Ed. by S.A. Stephens, J.J. Winkler. Princeton, 1995. P. 391–399, особенно 393).

⁸ См., например, *Maehler H.* Der Metiochos-Parthenope-Roman // ZPE. 1976. 23. S. 1–20; *Lucke C.* Zum Charitontext auf Papyrus // *Ibid.* 1985. 58. S. 21–23; *Dostálova R.* Il romanzo Greco e i papiri. Prague, 1991, passim.

Папирусные фрагменты PSI 151 и P. Mil. Vogl. 260 с латинским переложением «Истории Аполлония...» внешне объединяет обычное и весьма распространенное в позднеантичный период имя Аполлония. При сопоставлении содержания папирусных фрагментов с одним из схожих эпизодов латинской версии выясняется, что оба варианта далеко не идентичны. В латиноязычном отрывке сообщается о владителе Кирены, который в соответствии с законами гостеприимства принимает во дворце потерпевшего кораблекрушение Аполлония. Присутствующая на обеде царская дочь влюбляется в Аполлония и с трудом скрывает свою страсть к нищему страннику (HA 15–17). В папирусных фрагментах фигурирует жена персидского царя, которая, по-видимому, делает Аполлонию недвусмысленное предложение.

Ниже приводится греческий текст папирусного отрывка PSI 151, а вслед за ним – папирусного отрывка P. Mil. Vogl. 260; оба фрагмента переведены на русский язык и сопровождаются кратким историко-филологическим комментарием.

PSI 151

[.]σατράπαι καὶ μεγ[ιστᾶ]ν[ες
[.....] οἱ ἕκαστος δὲ εἰς τ[ῆ]ν συνήθη
[τόπον] ἐκλίθη, ἡ δὲ βασιλ[ε]ῖς ἡ τοῦ
[του] γυνὴ ὑπεράνω αὐτοῦ ἀνεκεί

5 [το θε]οπερ<ε>ἰ κάλλ<ε>ι κοσμουμένη τ[οῦ]

[δὲ πό]του μεσάσαντος ὁ βασιλεὺς με
[τανα]στάς ἐπὶ τὸν ἀγκῶνα, ὃν κατεῖ
[χε σκῦ]φον προέτεινεν τῷ Διονυσίῳ
[.....λεί]βων καὶ τῷ Ἀπολλωνίῳ

10 [.....] ἡ π[οτ]ήριον προπ[ε]ίνω

[.....] πρεσβύτης ἀνα.
[.....]ς εἰς τὴν βασιλι[δα]
[.....]. δῶρ.ων πρὸς
[.....] εἰ[π]εν ἀληθ[...]

Перевод:

«...Сатрапы и (другие) знатные сотрапезники... заняли места на обычном ложе, но царица, его жена, возлегла на почетное место у стола над ним (Аполлоном?), блистая красотой, словно богиня. Посреди пира царь, опершись на локоть, протянул кубок Дионисию и (обратился) к Аполлонию со словами: “Я поднимаю этот кубок... древний... к царице... дары” ... правдиво сказал он...»

Как видно из содержания папирусного отрывка, речь идет о званом обеде при дворе персидского царя, на котором среди многочисленных гостей присутствуют Аполлоний, Дионисий и царица, привлекающая внимание своей красотой. Персидский царь провозглашает тост в честь Дионисия, а затем в честь присутствующего на обеде Аполлония. На этом фрагмент обрывается.

Стк. 1. «Сатрап» – грецизированная форма иранского термина⁹; здесь – полномочный правитель областей Персидской монархии, наместник царя (ср. Char. IV. 4: Митридат, сатрап Кари). Упоминание σατράπαι – «сатрапы» придает повествованию восточный колорит и явно указывает на место действия, – по-видимому, это двор персидского царя, что подкрепляется восстановлением μεγ[ιστᾶ]ν[ες] – «знатные сотрапезники», т.е. персидские вельможи. Церемони-

⁹ Ср. *Lehmann-Haupt*. Satrap // RE. 2. Reihe. III. Hlbd. 1921. Sp. 82–188; *Klinkott H.* Der Satrap. Ein persischer Amtsträger und seine Handlungsspielräume. Frankfurt am Main, 2005.

альный характер трапезы при персидском царском дворе оставил в своем более или менее достоверном описании Гераклид из Кум, автор «Персидской истории» на греческом языке (Athen. IV. 145 c–d). Обращает на себя внимание присутствие персидской царицы на обеде вместе с царем: «...обедают царь иногда с женой и с кем-нибудь из сыновей» (Athen. IV. 145 d). Присутствие женщины на пиру среди мужчин отнюдь не редкость в античных повестях: можно сравнить, например, сцены пира у Харитона (IV. 3. 7 sq.; V. 13. 5 sq.), Ахилла Татия (I. 5. 1 sq.; VIII. 4. 1 sq.), Лонга (IV. 32. 2 sq.), Гелиодора (III. 10. 1 sq.; V. 15. 3 sq.; 31. 1 sq.; VI. 6. 1 sq.; VII. 19. 5 sq.; 27. 1 sq.), в папирусных фрагментах греческой повести «О Метиохе и Парфенопе» (P. Verol. 9588, 7927, 21179), в известной новелле «Cena Trimalchionis» из комического романа Петрония и, наконец, в латиноязычной «Истории Аполлония...» (НА 15–16)¹⁰.

Сткк. 2–3. Р. Кусл, а вслед за ним и А. Страмалья предлагают чтение τ[ὸ]ν συνήθη [τόπον] вместо τ[ῆ]ν συνήθη на том лишь основании, что в лакуне слишком мало места для греческой η¹¹. В данном случае вполне возможно [τόπος] означает место, или застольное ложе, занимаемое гостем на симпозионе (ср. Plut. Moralia 617 d–e, Symp. 3–4: κατακλίνω γὰρ εἰς τὸν ἑνδοξον μάλιστα τόπον «я располагаюсь за столом на самом почетном месте»). Занимаемые на пиру места различаются по степени важности: в данном случае Аполлоний занимает почетное место напротив царя (ср. НА 14: Statimque assignato illi loco Apollonius contra regem discubuit – «Аполлоний занял указанное ему место напротив царя»). Вошедшая в триклиний царская дочь располагается у стола «выше» (стк. 4) Аполлония, но, видимо, так, что оказывается неподалеку от него.

Стк. 6. Аористное причастие μεσάσαντος от глагола μεσάζω (характерная для греческого языка периода империи глагольная форма, близкая общепотребительному μεσώω)¹².

Стк. 7. ἐπὶ τὸν ἄγκωνα – «опершись на локоть, облокотившись»; ср. ἐπὶ ἄγκωνος стандартная формула для обозначения привычного расположения за пиршественным столом. Употребление винительного падежа в стк. 7 обусловлено зависимостью от глагола «движения».

Сткк. 8–9. Весьма распространенные греческие имена Διονυσίῳ и Ἀπολλωνίῳ принадлежат двум гостям, и не исключено, что, возможно, товарищам по несчастью, т.е. потерпевшим кораблекрушение и сблизившихся в силу печальных

¹⁰ Как правило, персидские женщины в греческих повестях занимают особое место. Например, Статира, жена персидского царя (в повести Харитона), Персинна, жена Гидраспа, царя Эфиопии, или Арсака, жена сатрапа Ороондата, которая безуспешно пытается соблазнить героя Теагена (обе – из повести Гелиодора) (ср. также пассаж о персиянке Кюно, жене Аракса, которая принуждает к сожительству Габрокома, – Xen. Eph. III. 12. 4). Подробнее см. Swains S. Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World ad 50–250. Oxf., 1996. Попутно автор книги касается ряда вопросов: например, о том, что «греческое» в беллетристике утверждалось через «чужое, варварское». Так, к примеру, или в роли любящей пары персонажей иногда выступали варвары или некоторые описания восточных эпизодов окрашены греческим колоритом, что противоречит, безусловно, исторической традиции. Возможно, в качестве образца здесь выступала «Киропедия» Ксенофонта Афинского с изображением «знатного варвара» как идеальной государственной личности.

¹¹ Kussl R. Papyrusfragmente griechischer Romane. Tübingen, 1991. S. 143 (Classica Monacensia. Bd 2); Stramaglia A. Prosimetria narrativa e 'romanza perduta': PTurner 8 (con discussione e reidizioni di PSI 151 [Pack² 2624] + P. Mil. Vogliano 260) // ZPE. 1992. 92. S. 121–149.

¹² Ср. Müller B.A. Ein neuer griechischer Roman. S. 358–363, особенно 361.

обстоятельств наподобие дружеской пары Херея и Полихарма в греческой повести Харитона «О Херее и Каллирое». В стк. 9 скорее всего следует читать Ἐπολλωνίῳ, но никак не Ἐπολλωνί ω-. Имя Аполлоний встречается дважды и в папирусе P. Mil. Vogl. 260 (сткк. 2, 12), в котором, судя по содержанию, потерпевший кораблекрушение оказывается наедине с персидской царицей.

Стк. 10. Предложенное Б. Лаваньини чтение [νικ]η[τή]ριον – «награда, дар» излишне перегружено вставками и уже поэтому вызывает определенные сомнения; в данном случае гораздо более подходящим для сохранившихся букв ἦριον представляется чтение π[οτ]ήριον – «кубок», хотя при этом и остается, как видим, пропуск в один знак между буквами η и ρ¹³. Тем не менее ср. стк. 10 в папирусе P. Mil. Vogl. 260: κτηρίοις.

Стк. 12. εἰς τὴν βασιλί[δα] – «к царице». Характерное для греческого койне ранней империи употребление предлога εἰς + Acc. в пространственном значении (ср. Char. IV. 4. 7; VIII. 5. 6; Ps.-Callisth. 27. 10 Kroll), который в ряде случаев стал заменой конструкции с предлогом ἐν + Dat. классического периода¹⁴.

Стк. 13. Трудно сказать определенно, что за буква (или, возможно, слог) пропущены в слове δῶρ.ων. В данном случае вполне вероятно восстановление δωρεῖων, но более надежным (и потому предпочтительным) выглядит чтение τ]ᾶ δῶρα ὦν, т.е. «дары». Ср. щедрые «дары» в НА 17: двести талантов золота, сорок фунтов серебра, двадцать рабов и одежду, которые царская дочь вручает Аполлонию.

Стк. 14. Если допустить, что здесь пропущена ῶ, то восстановление читается как наречие ἄληθ[ῶ]ς – «правдиво» (ср. Xen. Eph. III. 7. 3; V. 1. 12; VII. 5: ἄληθῶς).

Приглашение бедного странника к царскому столу хорошо известно по другому произведению греческой литературы – гомеровской «Одиссее». Герой этого раннегреческого эпоса, претерпев кораблекрушение, встречает на пустынном морском берегу царскую дочь Навсикаю и находит гостеприимный кров во дворце ее отца Алкиноя, который принимает Одиссея за финикийского купца (Hom. Od. VIII. 158–199). Для греческой беллетристики и прежде всего для авантюрных повестей о странствиях и приключениях юной пары героев «Одиссея» и в римское время сохраняет значение литературного образца. Свойственные более эпосу, чем историографии, повествовательная техника, стихотворные цитаты из Гомера и многочисленные аллюзии, адресованные гомеровскому эпосу, составляют типичные черты и особенности литературной манеры греческих беллетристов¹⁵.

Греческий текст и перевод второго фрагмента папируса, содержание которого предположительно включает отсутствующий в позднелатинских версиях эротический эпизод, приводятся ниже.

¹³ Lavagnini B. Eroticorum graecorum fragmenta papyracea. Lipsiae, 1922. S. 32–33.

¹⁴ Papanikolaou. Op. cit. S. 83–84.

¹⁵ Подробнее о влиянии «Одиссеи» на греческих беллетристов римского времени см. Hölscher U. Die Odyssee. Epos zwischen Märchen und Roman. München, 1989. S. 222–234. Большое число гомеровских цитат и аллюзий встречается в тексте романов Харитона (ср. Pałcińska M. Pierwszy zachowany romans grecki // Meander. 1964. 19. P. 128–142; Schmeling G.L. Chariton. N.Y., 1974. P. 42–46; Müller C.W. Chariton von Aphrodisias und die Theorie des Romans in der Antike // Antike und Abendland. 1976. 22. S. 115–136, особенно 127–132), романа Ахилла Татия (ср. Cresci L.R. Citazioni omeriche in Achille Tazio // Sileno. 1976. 2. P. 121–126), романа Гелиодора (ср. Keyes C.W. The Structure of Heliodorus' Aethiopica // SPh. 1922. 19. P. 42–51; Feuillatre E. Études sur les Éthiopiens d'Héliodore. P., 1966. P. 105–114; Garson R.W. Notes on some Echoes in Heliodorus' Aethiopica // Ant. Class. 1975. 18. P. 137–140; Ruiz Montero C. El análisis del relato en la novella griega // Atti del convegno internazionale etterature classiche e narratologia. Perugia, 1981. P. 311–329).

το]σούτω[ν] τῆς βασιλίδ[ος
 Ἄ]πολλώνιος ἔστη βο[
 ]ηση πότερον ἐπιδ[
 ]συνουσίαν ἢ ἀπορ[
 ]μνησθεῖ<ς> δὲ ὦν πρ[
 ἔ]ειπεν εἰς πᾶν ὅτι βο[υλ
 ]σης ἡδέ ὡς γυνή.[
 π]ρότερον ἐπισπασαμέ[νῃ
 ]. κατεφίλησεν τοῖς εἰ[
 ]κτηρίοις ἑαυτὴν εἰ[
 ]. τὴν ἐπιθυμ[ίαν
 Ἄ]πολλώνιε κα.[
 της]γυκτός ταύτη[ς
 ]. αμε ἔξου.[
 ]. α. [.]. ασαμεν[
 ]. π. αν οδε[
 ]. δε.. ονετι[
 ]. ρ[.]. ε[.]. ην.[
 ]ε[
 ]τ.[
 ].[

Перевод:

«(Когда) царица это... Аполлоний остался недвижим, (раздумывая), соглашаться ему на свидание или... Однако поскольку он помнил о том, что... (то ответил) готов ко всему... женщина... приветливо притянула его сначала к себе и, поцеловав его... страсть... Аполлоний... этой ночью...»

В этом небольшом отрывке говорится об Аполлонии и некой женщине, которая вполне могла быть персидской царицей. Исходя из сохранившегося текста видно, что персиянка настаивает на встрече с Аполлонием, однако тот уклоняется от любовного свидания. Описанием этой сцены на пиру мог начинаться роман наподобие того, как это представлено в папирусных отрывках «О Метиохе и Парфенопе» (P. Berol. 9588, 7927, 21179) или в греческой повести Ахилла Татия (I. 5). Не исключено, что оба персонажа впервые встретились на пиру, и Аполлоний привлек внимание царственной особы; весь эпизод весьма напоминает библейскую историю об Иосифе Прекрасном и жене Потифара.

Стк. 1. I Δ – буквенное обозначение цифры «четырнадцать». Восстановление ν перед артиклем τῆς дает вполне допустимую форму τοσούτων.

Стк. 4. Чаще всего ἡ συνουσία употребляется в двух значениях: «общение, соитие», см. LSJ, s.v. В данном случае очевидно использование второго значения, ср. Xen. Eph. III. 12. 4: ...ἡ δὲ Κυνώ προσφέρει λόγον περὶ συνουσίας καὶ δεῖται πείθεσθαι... – «...Кюно непрестанно осаждает его любовными предложениями, умоляет согласиться...» (пер. С. Поляковой и И. Феленковской)¹⁶.

¹⁶ Ср. Henrichs A. Die Phoinikika des Lollianios. Bonn, 1972 (Papyrologische Texte und Abhandlungen. Bd 14 / Hrsg. von L. Koenen, R. Merkelbach); Holzberg N. Der antike Roman. Eine Einführung. Düsseldorf–Zürich, 2001. S. 76–78. См. фр. A. 2 recto 13–14 «Финикийской истории» Лоллиана.

Стк. 7. Предпочтительнее ἡδέ ὡς γυνῆ, хотя, согласно Р. Куслу, возможна и менее вероятная эмендация ἡδέως γυνῆ¹⁷.

Стк. 10. Словосочетание]κτηρίους ἑαυτῆν ε.[в дательном падеже множественного числа предпочтительнее, чем форма]κτηρίοι σεαυτῆν ε[с переносом *сигмы* на второй член. Что касается]κτηρίους, то наряду с начальной *каппой* возможно использование *сигмы*, т.е.]στηρίους¹⁸. Не исключается также и прилагательное θελ]κτηρίους – «чарующим, обольстительным» в дательном множественного числа.

Сткк. 12–13. Предположительно персидская царица обращается к Аполлонию; его ответ ей начинается со слов οἰε, т.е. ὁ δὲ – «он же...» в стк. 17.

Стк. 17. Возможно, οὐετι следует восстановить как δ' εἶπον ἐπι. По всей видимости, начиная с первой половины I в. до н.э. беллетристические сочинения псевдоисторического содержания, отрывки из которых приведены выше, захлестнули книжный рынок Восточного Средиземноморья и были широко распространены в грекоязычной образованной элите римского общества¹⁹. Судя по дошедшим до нас полностью античным «романам» и многочисленным папирусным отрывкам беллетристического содержания, эта разновидность литературных сочинений пользовалась успехом у читательской аудитории разного возраста и различных общественных слоев, однако трудно с определенностью говорить о причинах популярности такого рода произведений²⁰. Весьма вероятно, что примерно уже в 8 г. н.э. Овидий в стихотворной новелле о Пираме и Фисбе (Met. IV. 55–166) пародировал содержание одного из произведений греческой беллетристики, и нельзя полностью исключать того, что римский поэт Персий (32–64 гг. н.э.), говоря о читателях, не способных в должной мере оценивать серьезное творчество, имел в виду аудиторию, которой предназначалась сентиментальная греческая повесть Харитона с любовным содержанием: «им я (т.е. этим читателям) – эдикт претора поутру, а после обеда дам “Каллирою” (Persius. Sat. I. 134; пер. Ф.А. Петровского)²¹. То же самое относится и к «Сатирикону» Петрония (I в. н. э.), который во многом ориентировался на греческую традицию и пародировал более ранний по времени греческий прототип, что стало очевидным после обнаружения папирусных фрагментов «Романа об Иолае» II в. н.э. (P. Oxy. 3010)²².

Условные персонажи греческой беллетристики – добропорядочные, часто простодушные, с красивой внешностью, но сугубо обычные люди вовсе не были эпическими богами или мифологическими героями вроде Эдипа или Энея. В отличие, например, от комедий Менандра, действующие лица которых вращались в тесном кругу своих родичей и друзей, персонажи греческой

¹⁷ Kussl. Op. cit. S.149.

¹⁸ Ср. ibid. S.144.

¹⁹ Ср. Holzberg. Op. cit. S. 55–61.

²⁰ См. рассуждения императора Юлиана Отступника в одном из писем 393 г. о том, какими греческими сочинениями следует пренебрегать: «вымышленные произведения (πλάσματα) авторов более раннего времени, распространенные в форме исторических сочинений, любовных историй и тому подобных сочинений» (Epist. 89, 301 В).

²¹ Ср. «тронет ли пенем меня потерпевший кораблекрушение?» – Persius. Sat. I. 88; пер. Ф.А. Петровского; ср. Persius. Sat. VI. 27–33 – потерпевшие кораблекрушение моряки просили подавание, нося небольшую картинку с изображением постигшего их несчастья.

²² Альбрехт М. фон. История римской литературы от Андроника до Бозэция и ее влияния на позднейшие эпохи. Т. II. М., 2004. С. 1311. Прим. 1; 1312–1347, особенно 1315, 1326.

беллетристики оторваны от отчего дома, предоставлены самим себе и в силу обстоятельств принуждены скитаться по разным странам. Этот окрашенный слезной жалостью образ странника намечен уже в евангельской притче о блудном сыне и составляет ядро псалма «Песнь о жемчужине» (III в. н.э.), дошедшего до нас в сирийской и греческой версиях²³. «Чудесное» или «сверхъестественное» становится существенной чертой такого рода греческой беллетристики²⁴.

В заключение следует отметить, что параллельный греческий текст «Истории Аполлония...», сохраненный в двух папирусных отрывках, скорее всего, был использован и преобразован отчасти в христианском духе анонимным автором латинского романа. Судя по дошедшим до нас папирусным фрагментам II в. н.э. и полной латинской версии IV в. н.э. религиозные концовки обоих произведений должны были принципиально отличаться одна от другой: в отличие от реконструированного содержания папируса P. Mil. Vogl. 260 с вольной эротической сценкой, по всей видимости, латинскую версию следует воспринимать в качестве подобия жития и повести с религиозно-пропагандистской тенденцией. Оба латинских извода, один из которых (RB) представляет собой облегченную переработку другого (RA), показывают, что они создавались под влиянием античной агиографии²⁵. На основании анализа содержания папирусных фрагментов можно предположить, что внимание к внешним событиям и бытовым деталям греческого источника отличает его от латиноязычной «Истории Аполлония...», в которой описания эмоциональных состояний, связанных с религиозными чувствами, выступают на передний план.

A GREEK SOURCE OF «THE STORY OF APOLLONIUS, KING OF TYRE»

V. N. Ilyushechkin

The author analyses the contents of two papyri (PSI 151 and P. Mil. Vogl. 260) which are fragments of the lost Greek original of the novel «The Story of Apollonius, King of Tyre».

²³ Подробнее см. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской культуры. М., 1977. С. 78.

²⁴ *Ilyushechkin V.* Die Sujets von dem Übernatürlichen in griechischen literarischen Papyri // *Atti XXII Congresso Intern. di Papyrologia* (Firenze, 23–29 agosto 1998). Vol. II. Firenze, 2001. P. 689–691.

²⁵ Полностью это произведение на латинском языке неизвестно и, по-видимому, было гораздо обширнее сохранившейся версии; см. *Аверинцев.* Ук. соч. С. 129–130.